

Ци Гу был из тех, кому даже при совершенно очевидной реакции тела лень что-то делать самому. Немного потерпеть он вообще не считал чем-то ненормальным.

К тому же здесь даже руки нормально не помоешь. Линь Ханьчжи с его манией чистоты тем более не станет разбираться с подобными вещами в таком захолустье.

При этой мысли ровные губы Ци Гу чуть изогнулись. Выходило, что Линь Ханьчжи тоже можно было наполовину записать в любители создавать хлопоты.

Линь Ханьчжи увидел, как Ци Гу вдруг улыбнулся, да ещё так красиво... и в одно мгновение привычное для него терпение стало куда более трудной задачей.

Опасаясь, что, если мысли снова поведёт тело, он и правда может потерять самообладание, Линь Ханьчжи первым заговорил:

— Когда завтра вернёмся в провинцию Z, чем займёшься?

Ответ Ци Гу тоже оказался вполне ожидаемым:

— Разберусь с этой видеокассетой и вернусь в Фуай. Буду лежать и отдыхать.

Он сделал паузу, взглядом обрисовал резкие линии профиля Линь Ханьчжи в звёздном свете и добавил:

— Возьму тебя с собой. В прошлый раз, когда ты приезжал, Фуай ещё не открылся. Теперь торговая улица у храма уже вся занята, там хватает и еды, и развлечений. Я тебя угощу и всё покажу.

Только вот Ци Гу не знал, понравится ли Линь Ханьчжи, который на вид работал до изнеможения, его собственная жизнь в режиме полного расслабления.

Разумеется, Линь Ханьчжи никаким трудоголиком не был. Но по прежним разговорам и по тому, во сколько тот возвращался с работы, когда Ци Гу жил в столичном сыхэюане, Ци Гу сделал вывод, что Линь Ханьчжи — гибкий трудоголик, умеющий подстраиваться под обстоятельства.

То есть на работе он мог сидеть до глубокой ночи, зато в выходные вполне способен был вместе с Ци Гу играть и бездельничать.

Ци Гу редко о чём-то тревожился. Когда Линь Ханьчжи долго не отвечал, он решил, что тому показался скучным такой распорядок, и добавил:

— Если тебе не нравится целыми днями только есть, пить и отдыхать, можем ещё ходить ловить призраков...

Линь Ханьчжи застыл вовсе не потому, что программа показалась ему скучной. Он просто не ожидал услышать слова «возьму тебя с собой».

Для него они были настолько прекрасны, что, запиши их и прослушай хоть тысячу, хоть десять тысяч раз, — всё равно каждый раз хотелось бы улыбаться.

Когда-то он очень хотел, чтобы папа и мама забрали его с собой.

Жить было больно. Дышать — больно. Есть — больно. Практиковаться — тоже больно. Вещей, не причинявших ему боли, было слишком мало, и их вес не мог сравниться с тяжестью всех страданий.

Но... слова Ци Гу весили очень много.

— Мне нравится. Мне нравится бездельничать вместе с тобой, пусть даже мы просто будем греться на солнце, — сказал Линь Ханьчжи. — Я не настолько люблю суету и работу, как тебе кажется. Просто обстоятельства не оставляют выбора.

По сравнению со всем этим человек, уставший за первую половину своей жизни, больше всего хотел спокойных дней рядом с Ци Гу: вместе вдыхать аромат одного цветка или делить миску не слишком вкусной еды.

— Точно не гибкий трудоголик? — с любопытством спросил Ци Гу.

Линь Ханьчжи происходил из богатой семьи, владел огромными домами и держал аж двух дворецких. Неужели и при всём этом ему приходилось работать против собственной воли?

— Клянусь, я чистокровная солёная рыба! — Линь Ханьчжи принялся изо всех сил доказывать свою принадлежность к ленивому виду, словно боялся, что из-за репродуктивного барьера между ними Ци Гу перестанет с ним водиться.

— Ладно, верю. Если есть что-то, что поможет тебе жить легче, и я могу это сделать — скажи, — пообещал Ци Гу.

Его обещания значили много. Он никогда не раздавал их просто так.

Линь Ханьчжи смотрел на серьёзное лицо Ци Гу и до смерти хотел отбросить всякий стыд, уткнуться ему в шею и потереться щекой.

Звёзды всё так же ярко висели в чёрном небе.

Линь Ханьчжи вдруг спросил:

— А когда шоу закончится, чем ты хочешь заняться?

Ци Гу немного подумал:

— Есть, пить и развлекаться. Если с костями Люли всё решится благополучно, то больше всего я всё равно люблю есть, пить и развлекаться. Теперь Фуай позволяет мне не беспокоиться о зарботке, так что особых дел у меня не останется.

— То есть собираешься сразу на пенсию? — соблазнительно прищурился Линь Ханьчжи. — А перед пенсией не хочешь найти себе спутника на старость? Какие тебе нравятся?

Услышав этот явный пробный шар, Ци Гу едва заметно улыбнулся в темноте:

— Я обычный мужчина, вкусы у меня вполне массовые. Люблю красивых и тех, кто умеет ласково покапризничать.

Линь Ханьчжи: так это же буквально я!

Сердце у него бешено заколотилось. Он облизнул уголок губ:

— А... ещё какие-нибудь требования есть?

Холодноватый голос Ци Гу невольно растянул слова, и в нём появилась лёгкая вредность:

— Характеры тоже должны подходить. Хотелось бы, чтобы он, как и я, любил отдыхать, а не вкалывать. И вкусы в еде должны совпадать, чтобы можно было есть вместе.

— Солёная рыба — это прекрасно. Мы с тобой как раз едим одно и то же...

Ещё секунда — и Линь Ханьчжи спросил бы: «А как тебе я?»

Он с огромным трудом удержался и, изображая совершенно постороннего человека, сказал:

— Вполне разумные требования. Так и держи. Главное — ни в коем случае не меняй их и не снижай планку.

Ци Гу спокойно покосился на него. В миндалевидных глазах мерцал свет:

— Я тоже так думаю. А у тебя? Что ты хочешь от второй половины?

Линь Ханьчжи ответил без колебаний:

— Мне нравятся немногословные и холодноватые. Чтобы часто смотрели именно на меня. Лучше ещё чуть ниже меня ростом — тот самый идеальный перепад роста, о котором пишут в интернете: я наклоняю голову и могу сразу поцеловать его в губы.

— Нормально. С такими требованиями найти кого-то должно быть нетрудно, — внешне невозмутимо сказал Ци Гу.

На самом деле признание уже стояло у него на языке, но... нельзя.

Для подарка, который он хотел вручить, ещё требовалось время. Без этой вещи Ци Гу всё казалось, что признанию чего-то недостаёт, что оно недостаточно искреннее.

Такое случается один раз в жизни, значит, всё должно быть сделано как можно лучше. Ци Гу мысленно предупредил себя не торопиться.

Линь Ханьчжи слегка повернул лицо. Ци Гу почувствовал движение и тоже посмотрел на него.

В звёздном свете встретились две пары по-своему красивых глаз. Дыхание переплелось. Между губами оставалось всего 2,3 сантиметра — казалось, стоит кому-то случайно качнуться, и они поцелуются.

По палатке растекалась двусмысленная теплота, заполняя всё пространство.

Наверное, атмосфера была слишком подходящей. Поэтому два человека, которые вовсе не собирались признаваться именно сейчас, одновременно «случайно» пошевелились, решив считать эту «случайность» ещё одной проверкой.

Когда мягкие губы соприкоснулись, хотя оба сознательно к этому подвели, никто не удержался и не распахнул глаза.

Мягко.

Даже мягче некоторых антистресс-игрушек.

Интересно, а если попробовать этот вкус, втянуть губы чуть сильнее... каким он будет?

Никто не отстранился первым. Оба молча решили списать затянувшееся прикосновение на «шок после случайности».

Лишь через полминуты, каждый со своими нечистыми мыслями и уже вполне насытившись поцелуем, они наконец картинно отодвинулись друг от друга.

Актёрская игра у обоих была отвратительной.

Попади такая сцена в актёрское шоу, их бы мгновенно высмеяли на весь интернет, а потом ещё и новый мем из неё сделали.

К счастью, сейчас единственный зритель каждого из них был слишком поглощён собственной ролью.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949165>